

## **ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ**

**С. В. Чешко**

### **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ \***

Для перестройки советского общества важное значение имеет преобразование национальных отношений. Именно преобразование, а не улучшение по принципу «уже хорошо, но надо, чтобы было совсем хорошо». Прочность многонациональной советской общественно-политической системы основательно проверена всем ходом истории нашей страны: войнами, сложными, порой трагическими событиями внутренней жизни, медными трубами, возвещавшими о действительных и мнимых успехах. Вместе с тем было бы безответственно недооценивать серьезность существующих проблем, заявивших о себе недавними событиями в Алма-Ате и Якутске, в Прибалтике и Закавказье. Анализ этих событий, общей ситуации позволяет заключить, что общество стоит не перед задачей ликвидации отдельных недостатков в национальных отношениях, а перед необходимостью совершенствования всей структуры национальных отношений на базе углубления соответствующих научных знаний, корректировки идеологии и политики национального строительства.

Едва ли не главной проблемой является то, что длительное время недооценивалась потребность в научно обоснованном, продуманном и осторожном регулировании национальных процессов, взаимоотношений народов страны. Зачастую такое регулирование подменялось политикой жесткого управления, которая основывалась больше на идеологии патернализма, чем на учете реального содержания и механизмов этих процессов. Преувеличение созидательной роли официальной идеологии (через агитацию и пропаганду, целенаправленное воспитание в школе, вузе и т. д.), эффективности директивных методов управления создавало, по-видимому, иллюзию того, что возможности управления национальными процессами (как, впрочем, и экономическими или социальными) не ограничены. Объективные законы развития, если они не соответствовали идеологическим установкам, игнорировались; их познание считалось излишним, а то и вредным. Еще совсем недавно этнографам не без риска для своей репутации ученых-марксистов приходилось доказывать, что этническое имеет в общественной жизни самостоятельное, а не подсобное значение.

Автор этих строк в одной из своих публикаций критиковал западных советологов, упрекающих Советское государство за игнорирование национальных интересов народов СССР, за подмену национального вопроса классовым<sup>1</sup>. Сегодня я должен признать свою критику не вполне справедливой. Нет, конечно, никаких оснований говорить, что принципиальная позиция Советской власти когда-либо состояла в ущемлении прав и национальных интересов народов страны в угоду идеологии или полити-

\* Статья написана на основе доклада, сделанного автором на методологическом семинаре в Институте этнографии АН СССР 17 марта 1988 г.

<sup>1</sup> Чешко С. В. Западные советологи о национальных отношениях и этнокультурных процессах в Средней Азии (1970—1980-е годы) // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 143.

ческой стратегии. Это надо специально подчеркнуть в связи с настойчивыми попытками некоторых зарубежных историков доказать обратное. Даже те нарушения прав народов, которые действительно совершались (например, насильственные депортации ряда народов в 1930—1940-е годы), отражали не программные задачи общества в национальном вопросе, а отход от них, разрыв политических целей тогдашнего правящего режима с целями социалистической революции. Однако не только в те годы, но и позднее значение национального вопроса в развитии советского общества неоправданно преуменьшалось, его содержание сводилось преимущественно к социально-экономической, социально-классовой подоплеке. Развитие концепции национального строительства, которая учитывала бы собственно национальное содержание и динамику национальных процессов, затормозилось настолько, что на сегодня она скорее не существует, чем существует. За 70 лет Советской власти этническая ситуация в стране значительно изменилась. Выросли новые нации, набрали силу новые этнодемографические и этнокультурные тенденции, во многих случаях произошла перестройка структуры межнациональных связей. В то же время идеология и практика национального строительства, способы управления национальными процессами, национально-государственная структура СССР в своих основных параметрах остались практически неизменными с 30-х годов. Окостенев, они зачастую выступают уже не как регулятор динамичных процессов национального развития, а как их тормоз, как фактор осложнения национальных отношений.

Почему, однако, всплеск межнациональной конфликтности пришелся именно на последние годы, когда начали претворяться в жизнь идеи перестройки советского общества, сформулированные XXVII съездом КПСС и последующими пленумами ЦК партии? Казалось бы, в условиях развития гласности и демократизации должно происходить нечто совершенно противоположное. На наш взгляд, это лишь кажущийся парадокс.

События, аналогичные тем, которые мы имеем в виду, случались и раньше — в 1960-е и в 1970-е годы. Разве что по своим масштабам они не были столь значительными, а средства массовой информации о них не сообщали. Тем не менее, с середины 1980-х годов национальный вопрос стал действительно обостряться, и этому, как можно думать, есть несколько причин.

Деформации в развитии общества не могут накапливаться бесконечно. Похоже, национальные проблемы в нашем обществе достигли уровня «критической массы», и для того, чтобы они начали прорываться, достаточно порой незначительных поводов или событий, весьма отдаленно связанных с национальным вопросом. Очевидно также, что определенное воздействие на этническое сознание людей, а через него и на национальные отношения, оказывают некоторые современные тенденции этнокультурного развития, имеющие следствием рост этничности<sup>2</sup>. Наконец, сказывается действие перестроечных процессов, приводящих в движение различные общественные силы.

Как ко всему этому относиться? Как к показателю регрессивности национальных форм общественной жизни при социализме? Как к побочным отрицательным явлениям перестройки? По-видимому, найдутся сторонники и такой точки зрения. Было бы странно, если бы они не нашлись. Представления о том, что всякое нарушение установленного порядка вещей вредно, что беспрекословное следование установленным нормам поведения и мышления есть критерий сознательности, политической зрелости, еще очень живучи. Но возможна и другая точка зрения.

Возрождение идеалов справедливости, демократии, прогресса, повышение политической и правовой культуры ведут к лавинообразному росту общественно-политической активности людей, к ломке психологиче-

<sup>2</sup> Под этничностью здесь имеется в виду комплекс этнодифференцирующих представлений, связанных с этнической самоидентификацией, осознанием истории и культуры своего народа, национальных интересов.

ских барьеров, сдерживающих реализацию богатого творческого потенциала народа. И это все — безусловно положительные процессы, без которых осуществление целей перестройки просто невысказано. Такой ход рассуждений становится для нас уже привычным, когда речь идет, скажем, о борьбе за сохранение природы или исторических памятников, принимающей зачастую форму массовых кампаний. Но в данном случае дело касается национальных движений в обществе, которое мы справедливо привыкли считать обществом торжества интернационализма и дружбы народов. Поэтому вполне понятна психология тех, кто в любом не санкционированном сверху проявлении национальной активности склонен усматривать угрозу этим принципам, списывая их на подрывную деятельность националистов, врагов позитивных преобразований в обществе, а то и заграничных спецслужб. Определенные основания для подобных утверждений есть. Факты свидетельствуют о том, что консервативные, реакционные силы неизменно стремятся использовать национальные проблемы в своих интересах. Но это — отнюдь не аргумент в пользу признания самих национальных движений в принципе вредными, какие бы цели они не преследовали, и отнюдь не доказательство того, что национальные движения можно инспирировать. Скорее уж именно такие взгляды — если за ними стоит нечто более серьезное, нежели стереотипы мышления, — устраивают противников перестройки.

Справедливости ради надо сказать, что некоторая неясность в этом вопросе объясняется неразработанностью проблемы национальных движений при социализме. По существу наше отношение к ним еще в значительной степени питается идеологией сталинизма, которая почти любые проявления «национального духа» относил к разряду националистических уклонов, враждебных социализму. Отсюда, думается, — обычная реакция подозрительности на постановку вопроса, особенно, если она подкрепляется какими-то практическими действиями, направленными на обеспечение национальных прав и интересов того или иного народа. При этом нередко выдвигают пугающе грозную на первый взгляд дилемму: либо узконациональные интересы — либо интернационализм. Дилемма столь же опасная для политики, сколь и не корректная по своей сути. Забывают, что нельзя быть интернационалистом, не будучи в то же время патриотом своей нации, что эти свойства сознания неразрывно взаимосвязаны. Подавив национальное в сознании — а это, впрочем, возможно лишь теоретически — обречем не «абсолютный интернационализм», а гипотетическую безэтничность, которая еще нигде не встречалась. Забывают и то, что первое непеременимое условие подлинного интернационализма — свободное развитие наций, удовлетворение их национальных потребностей. Такая забывчивость уже сослужила плохую службу советскому обществу. «Интернационалистский детерминизм» во многом был причиной ухудшения психологического климата, практики национальных отношений в СССР.

Рассматривая поставленную проблему, важно понимать, что нельзя единожды, раз и навсегда решить задачу обеспечения национальных прав и интересов. Такая задача встает вновь и вновь по мере развития наций, по мере расширения, углубления, а значит и усложнения связей между нациями в рамках единого общества. Видимо, с этой точки зрения надо подходить и к оценке национальных движений при социализме, к пониманию глубинных причин их возникновения и усиления на переломных этапах общественного развития. «Кто ждет „чистой“ социальной революции, — предупреждал В. И. Ленин, — тот никогда ее не дожидется»<sup>3</sup>. Разумеется, нельзя экстраполировать анализ ситуации семидесятилетней давности на современность, анализ национального аспекта антиимпериалистической борьбы на национальный вопрос в социалистическом обществе. Но работы В. И. Ленина учат рассматривать национальный вопрос в контексте и в комплексе общественных процессов, применительно к конкретным историческим условиям, строить политику в национальном вопросе сообразно с его социальным содержанием, с общедо-

<sup>3</sup> Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.

мократическими задачами. Отсюда, между прочим, следует, что однозначные оценки национальных движений, в том числе и при социализме, невозможны. Оценки должны зависеть от анализа объективных причин, содержания и значения этих движений для общественного прогресса. Соответственно и политика в отношении национальных движений должна состоять не в их обуздании, а в очищении от всего того, что чревато опасностью межнациональных конфликтов, подрыва единства общества.

\* \* \*

Конфликтные ситуации в национальных отношениях вызываются специфическими для каждого конкретного случая причинами. Неодинаковость условий развития различных регионов страны, многообразие вариантов межэтнических связей практически исключают возможность построения универсальной модели возникновения, развития и разрешения национальных проблем. Поэтому вызывает сомнения высказывающаяся в научных кругах идея о том, что ответственные решения по изменению существующей структуры национальных отношений (например, пересмотр национальных границ, изменение статуса национально-административных образований, создание новых или ликвидация имеющихся автономий), можно принимать только на основе и в результате генеральной и единообразной для всех регионов реформы национального устройства СССР. Кроме всего прочего, эта идея сопряжена с той опасностью, что она, если не будет реализована, послужит авторитетным обоснованием для того, чтобы не принимать конструктивные решения, что лишь еще больше осложнит ситуацию. Если все же признать реформу необходимой, то целесообразней, на мой взгляд, заниматься разработкой не единообразной, а поливариантной модели переустройства, реализуя ее применительно к тем или иным региональным, локальным проблемам по мере готовности. Такой путь, конечно, более сложен, так как он предусматривает не только формулирование общетеоретических принципов реформы, но и проведение непосредственных исследований на местах. Требуется и идеологическое обеспечение реформы, но только не ее конспирирование на подготовительной стадии. По-видимому, единственный способ целенаправленного формирования общественного мнения в этом вопросе, преодоления и предупреждения нездоровых эмоциональных реакций состоит в организации открытых, демократичных дискуссий через средства массовой информации. Вряд ли можно серьезно сомневаться в политической зрелости советского народа, в его способности сделать правильный выбор, в его готовности укрепить советское общество. Но в любом случае очень многое зависит от ученых. Настоятельно необходимо, например, детально исследовать уже известные узлы межнациональных проблем, не откладывая дела наметить первоочередные меры по их ослаблению.

Концепция национального строительства, какой бы она ни была — монистической или поливариантной, — должна основываться на познании общих законов развития, управляющих национальными процессами. Многое нам известно, но многое, видимо, еще придется осмыслить и переосмыслить. Важно с самого начала суметь определить верное направление в исследовании, чтобы избежать легковесного теоретизирования, а такая тенденция есть. И она может усилиться, если к инертности мышления добавятся столь привычные опасения промахнуться в соотношении научных выводов с околонушной конъюнктурой, шокировать общественное сознание нестандартными концепциями. Легковесность в данном случае выражается в ограничении глубины исследования национальных проблем (обычно — рамками устоявшихся идеологических воззрений), в поисках причин их возникновения исключительно в сфере социальных деформаций, перекосов в общественном сознании, в морали и тому подобных отрицательных явлениях в развитии общества и государства.

Для выбора правильного (и, разумеется, концептуально достаточно широкого) исследовательского направления полезно, видимо, начать с

уточнения объектно-предметной области исследования, ее сущностных характеристик. Обычно оперируют набором близких, но не объединенных строгими логическими связями понятий: «национальные отношения», «национальные процессы», «национальный вопрос», «негативные явления» и некоторые другие. За каждым из них в советской общественно-ведческой и публицистической литературе стоят довольно определенные, нередко жестко определенные концепции. В то же время сами эти категории не всегда имеют ясную смысловую определенность, а иногда утрачивают характер научного понятия, превращаясь скорее в языковые идиомы с соответствующим эмоционально-оценочным значением.

В этом смысле особенно не повезло понятию «национальный вопрос», изрядно скомпрометированному идеологическим фразерством. В последнее время, правда, оно изредка вновь стало употребляться применительно к советскому обществу — в научных дискуссиях, даже в публикациях. Однако все еще сохраняется сильное предубеждение против него. Такое отношение основывается на представлении о том, что содержание национального вопроса состоит в неравноправии народов, в национальном угнетении и эксплуатации: в советском социалистическом обществе, где давно ликвидированы эти проблемы, национальный вопрос, следовательно, не может существовать в принципе<sup>4</sup>. В результате получается, что науке фактически нечего изучать в области национальной проблематики. Нельзя ведь считать объектом научного исследования не успевшие отмереть рудименты явления, которое уже исчезло.

Что такое «национальные процессы»? Согласно принятому в советской этнографической науке пониманию национального как этносоциального, национальные процессы — это процессы этносоциального развития народов, т. е. воспроизводства, развития (или наоборот — угасания) этнического в контексте данных социальных, экономических, политических и прочих общественных структур и процессов. Но не реже этот термин употребляют применительно к общественным процессам у данного народа, безотносительно к их взаимосвязи с этническим. Возможно, несколько дезориентирует двойственность понятия «национальное», эмпирически возникающая в нашем обиходе. С одной стороны, национальное выступает как синоним этносоциального. А с другой стороны, мы примирились с существованием, например, национального дохода СССР, национальных интересов СССР, Национального олимпийского комитета СССР и ряда других «национальных» общесоветских атрибутов, за исключением самой «советской нации». Нам не приходит в голову усомниться в существовании, скажем, американской нации, как и других политнических «наций», типологически мало чем отличающихся от советской «ненации». Синкретичность, если не сказать эклектичность, части понятийного аппарата отечественной науки, происходящая от недостаточно четкой состыковки с международной терминологией, затрудняет исследование вопросов, возникающих на пересечении национального и межнационального.

Отчасти этим же, а отчасти другими обстоятельствами вызвана некоторая неопределенность понятия «национальные отношения». В свое время их сводили преимущественно к экономическим связям между советскими республиками<sup>5</sup>. С конца 1960-х годов стала исследоваться сфера межличностных отношений<sup>6</sup>, или, как сегодня принято говорить, межнационального общения. Ясно, что речь должна идти о многоуровневой

<sup>4</sup> См., например: *Задарновский Б.* Можно ли отождествлять национальные отношения и национальный вопрос? // *Политическое самообразование.* 1988. № 3. С. 46—48.

<sup>5</sup> Отголоском такого понимания национальных отношений стал широко пропагандируемый сегодня лозунг, который провозглашает, что подлинным проявлением интернационализма является эффективность межреспубликанских экономических связей (своевременность взаимных поставок, выполнение заказов промышленными предприятиями и т. п.). Это, кстати, наглядный пример подмены объективных потребностей и закономерностей развития общества идеологическими императивами. Если следовать такой логике, то придется признать, что истинный интернационализм процветает не где-нибудь, а в капиталистической экономической системе.

<sup>6</sup> Об этом см., например: *Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР.* М. 1973. С. 8, 9.

структуре национальных отношений, но в чем их специфика по сравнению с другими видами общественных отношений? Просто ли это совокупность связей между некими партнерами или же она приводится в систему каким-то структурообразующим фактором, например — национальными интересами? Кто эти партнеры — республики (а они, как правило, многонациональны по составу населения) или народы?

Понятие «негативные явления», ставшее, благодаря поверхностным изысканиям журналистов и даже некоторых ученых, чуть ли не главным аспектом национального вопроса в СССР, в значительной степени запутывает этот вопрос. Мало того, что наблюдается тенденция отождествления существа национальных проблем с «негативными явлениями». Чрезмерное увлечение расстановкой оценочных акцентов вносит нездоровый ажиотаж в познание национальной проблематики. Достаточно наклеить соответствующий ярлык на те или иные проявления национального, на те или иные элементы культуры, общественного сознания, чтобы заранее поставить их как бы вне нравственных норм общества, обречь их на положение объектов, подлежащих ликвидации еще до того, как они будут изучены и осмыслены. Характерный тому пример — кампания травли, которая еще совсем недавно проводилась официальными властями и «официальной» наукой ряда среднеазиатских республик (и не без помощи центральной прессы<sup>7</sup>) против ученых, исследующих родоплеменную структуру бывших кочевых народов региона, на том основании, что они, якобы, воспевают «негативные пережитки», способствующие росту националистических настроений. А сегодня, когда приходится определять свое отношение к конфликтам на почве выражения национальных интересов, обнаруживается стремление квалифицировать такие ситуации как отступление от интернационализма, проявление националистического экстремизма.

Не стану брать на себя непосильную задачу ответить на все поставленные здесь вопросы. Одни из них нуждаются в дальнейшем осмыслении. Чтобы ответить на другие, требуются накопление новых эмпирических данных и обновление идейно-теоретического потенциала науки. Ответ на третьи зависит от мировоззренческих установок исследователя. Позволю себе изложить некоторые общие соображения, касающиеся выработки подхода к изучению национальных отношений.

По-видимому, очерченный круг проблем можно рассматривать в рамках специального исследовательского направления, опирающегося на фундаментальные научные знания в области философии, этнографии, истории, психологии, политологии и других общественных дисциплин и нацеленного на изучение национального вопроса в СССР, а также на выработку рекомендаций для его оптимизации. При этом «национальный вопрос» выступает не как качественная характеристика национальных отношений, что свойственно традиционному для отечественной науки пониманию данной категории, а как само явление. Содержание национального вопроса в таком случае можно определить следующим образом. 1) Весь комплекс взаимоотношений и проблем взаимоотношений между народами в многонациональном обществе; 2) политика государственного регулирования процессов национального/интернационального развития с целью обеспечения сбалансированного сочетания национальных и общих интересов, оптимизации структуры и характера отношений между народами, наиболее полной интеграции общественных структур отдельных народов в общегосударственные структуры. Принципиально важно признать субъектами национальных отношений народы-этноты — исторически сложившиеся, реально существующие и развивающиеся общности людей, — а не национально-государственные, национально-административные образования. Последние играют лишь роль организационных, фиксированных форм регулирования национальных отношений; они могут видоизменяться, заменяться другими формами, ликвидироваться

<sup>7</sup> См. За чистоту жизни//Правда, 4 апреля 1987 г.

и создаваться по мере необходимости. Это особенно важно подчеркнуть в свете оживившихся дискуссий о стратегии национальной политики в СССР. Противники совершенствования и развития форм национального самоуправления, национальной самоорганизации (например, путем воссоздания национальных районов, создания городских национальных культурных центров, землячеств) забывают, что не форма определяет характер национальных отношений. Наоборот, форма должна соответствовать объективным тенденциям национального развития, задаче эффективного регулирования национальных отношений, а не оторванным от жизни концепциям, даже если они формулируются в духе высших социальных идеалов.

Логика, которой придерживается автор, ведет к отрицанию возможности «разрешения» национального вопроса в принципе — пока существуют сами субъекты этого вопроса, т. е. этносы. Как бы хорошо ни складывались национальные отношения, задача их регулирования остается непреходящей. Поэтому и споры вокруг того, существует или не существует в СССР национальный вопрос имеют объективную основу и лишь при поверхностном рассмотрении выглядят как схоластическое манипулирование терминами.

\* \* \*

Сложность проблем, обуславливающих состояние национальных отношений, определяется прежде всего внутренней сложностью объединенного этим понятием комплекса общественных связей. Развитие многонациональных общественных систем — это процесс динамического взаимодействия (т. е. взаимодействия в процессе развития) внеэтнических (экономических, социально-групповых, политических и пр.) и этнических структур общества. Их сопряжение отнюдь не всегда происходит в соответствии с какими-то однолинейными, односторонними причинно-следственными связями. Сценарии сопряжения могут варьировать, могут детерминироваться различными, в том числе случайными, факторами. Кроме того, в национальных отношениях большее значение, чем в других видах общественных отношений, имеют иррациональные моменты, связанные со спецификой этнического сознания, этнической психологии. В известном смысле именно иррациональное и придает национальному то своеобразие, которое трудно смоделировать, разложить на элементарные составляющие. Это своеобразие очень наглядно проявилось, например, в карабахских событиях. Попытки объяснить их, анализируя отдельные аспекты проблемы — социально-экономические, исторические, культурные, политические, — не дали удовлетворительных результатов, так как выводы оказались неоднозначными. В конечном счете национальный вопрос — это не простая совокупность явлений, процессов, факторов и взаимосвязей, а их интегральная результирующая, относительно самостоятельная область общественной жизни.

Внутренняя сложность национального вопроса выступает в качестве одного из источников возникающих национальных противоречий. Они вызываются несбалансированностью структурных взаимосвязей. Не случайно национальные отношения обострились в среднеазиатском и кавказском регионах именно тогда, когда здесь накопилось особенно много деформаций в социально-экономических отношениях и политической жизни. Несбалансированностью этнодемографических, миграционных и связанных с ними социальных процессов объясняется осложнение обстановки в прибалтийских республиках.

Противоречия в национальном вопросе возникают, конечно, не как противоречия между неодушевленными общественными структурами. Они всегда очеловечены, проявляясь в отношениях между этническими и внеэтническими социальными общностями людей. Пожалуй, это — наиболее сложный, практически неисследованный вид взаимосвязей, влияющих на характер национальных отношений. Такие взаимосвязи устанавливаются не только между людьми, но и «внутри» людей, поскольку каждый человек одновременно принадлежит к нескольким социальным общ-

ностям, обладающим собственными специфическими интересами. Проблема состоит, видимо, не только в том, какой вид самосознания превалирует у данного индивида — столь жестко детерминированные типы сознания вряд ли вообще бывают, — но и в том, что в различных жизненных ситуациях даже у так называемой гармоничной личности может превалировать тот или иной тип самоидентификации. По существу именно личность человека, вовлеченного в многообразные общественные связи, является и исходным, и конечным пунктом развития общественных противоречий. И вовсе не обязательно эти противоречия отражают несовместимость особых интересов различных социальных общностей. Они отражают разделение функций между различными социальными общностями в данном обществе.

Сказанное выше — достаточно очевидно, и в этой связи уместно сослаться на Программу КПСС, в которой записано, что «партия считает делом первостепенной значимости тщательный учет в своей политике особенностей интересов классов и социальных групп»<sup>8</sup>. Однако нередко оказывается сложно осмыслить проблему соотношения национальных интересов отдельных народов и интересов общества. Далеко не безоговорочным выглядит обычный в таких случаях императив о приоритете общественных, т. е. интернациональных интересов. Возникает вопрос, до какой степени можно противопоставлять национальные интересы общественным и наоборот? Как следует рассматривать общество — как некий монолитный суперорганизм, диктующий свою волю людям, или как общность людей, имеющую свою внутреннюю структуру? И наконец: нации — это органичные части многонационального общества или досадная помеха его развитию?

Свою позицию в этих вопросах я попытаюсь изложить ниже. Предварительно хотелось бы остановиться еще на одном аспекте обсуждаемых проблем, который, как ни странно, даже в среде профессионалов-обществоведов иногда вызывает непонимание. Когда говорят о национальных противоречиях в развитии общества (а именно — советского общества), зачастую почему-то противопоставляют им в качестве идеала гармоничное развитие. Над понятием «национальные противоречия» нависла угроза быть зачисленным в категорию негативных явлений, с которыми надо бороться. В исследованиях по национальному вопросу фактически происходит ревизия диалектического понимания общественных процессов, что, видимо, объясняется сформировавшимся в сознании страхом перед национальным как антиподом интернационального. Чтобы преодолеть этот страх, диалектику сводят к «диалектическому единству» интернационального и национального, а то и вообще отождествляют с динамикой развития. Противоречия же отождествляют с национальными антагонизмами и, естественно, выводят их из числа закономерностей развития советского общества.

Ситуация своеобразна тем, что подобные взгляды во всем их комплексе никем открыто не высказываются, но они подспудно присутствуют во многих популярных публикациях, в научных дискуссиях. Автор настоящей статьи старается придерживаться иного подхода к анализу национальных противоречий, рассматривая их в качестве объективных взаимосвязей между явлениями, в качестве источника процессов национального/интернационального развития советского общества.

К такого рода противоречиям принадлежит, в частности, противоречие между национальным и интернациональным, раскрывающееся во взаимодействии процессов развития советских наций и интернационализации образа жизни и культуры. Наукой достаточно хорошо исследована одна из сторон этого взаимодействия — взаимообусловленность названных процессов, их неразрывное единство. Особенно наглядно она проявилась у молодых наций: само их формирование во многом основывалось на глубоких и всесторонних преобразованиях общества за годы

<sup>8</sup> Программа Коммунистической партии Советского Союза//Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 156.

Советской власти, на культурных достижениях других народов страны. Но с другой стороны, отношение между национальным и интернациональным — это противоречие между особенным и общим; поскольку общее (интернациональное) включает не все особенное (национальное), а лишь часть его, то оно до некоторой степени является диалектическим отрицанием последнего. Думается, мы имеем основания полагать, что тенденция роста этничности, характерная прежде всего для наиболее развитых стран, отчасти представляет собой естественную реакцию этносов на углубляющуюся интернационализацию их культур.

Существенно, что интернационализация происходит не только в форме синтеза этнических культур. Как правило, — а возможно, и всегда — она сопровождается аккультурационными и ассимиляционными процессами, что еще более усложняет взаимодействие национального и интернационального, вызывает еще более противоречивые реакции в сознании людей, еще более мобилизует защитные механизмы этносов. Вполне вероятно, что это — один из объективных факторов усиления этноцентризма в современном мире.

Противоречивость заложена не только в структуре взаимосвязей, формирующих национальный вопрос, но и в отдельных ее элементах, в первую очередь в ее ключевом звене — в этнических отношениях.

Каждый этнос, подобно другим видам социальных общностей, вырабатывает собственные интересы, отражающие его потребности: потребность в воспроизводстве — воспроизводстве биологическом и воспроизводстве своих сущностных характеристик (язык, культура, самосознание), потребность в развитии, потребность в защите от поглощения другими этносами и многие другие, производные от этих основных потребностей. Увязывание интересов взаимодействующих этносов зависит от конкретных условий взаимодействия; оно может осуществляться более или менее успешно, а может приводить к острым конфликтам.

Мировой опыт и прежде всего опыт нашей страны показывает, что обычно этносы мирно уживаются друг с другом, устанавливают конструктивные связи, идущие к взаимной пользе. Эти связи могут перерастать в отношения дружбы и духовной общности. Так складывалась интернациональная общность советского народа, объединенная прочными экономическими, политическими, социальными, идеологическими и культурными связями. Разумеется, характер межэтнических отношений определяется характером базисных общественных отношений, типом общественного устройства, политическим строем общества и тому подобными факторами. Но дело, видимо, и в том, что в многонациональных обществах этносы не являются самодостаточными организмами, а неизбежно интегрируются в общество путем включения их внеэтнических, а частью и этнических структур (межкультурный обмен) в соответствующие общегосударственные структуры. Поэтому всякие предположения об имманентном антагонизме этносов, ведущие к идеологии национального изоляционизма, следовало бы отвергнуть за несостоятельностью.

Проблема этнического в связи с национальными отношениями этим выводом, однако, не исчерпывается. Этносы, в отличие от прочих социальных образований, составляющих общество, представляют собой целостные организмы, не участвуют в разделении общественных функций, а значит, и не нуждаются в существовании себе подобных. Если рассмотреть для сравнения, скажем, классовую структуру буржуазного общества, то обнаружится, что ее составляющие взаимообусловлены: класс буржуазии не может существовать без класса пролетариев и наоборот. Что касается этносов, то их существование отнюдь не обусловлено существованием других этносов. Этнос вне данного многонационального государства, взятый как этносоциальный организм, т. е. обладающий собственной внутренней внеэтнической социальной структурой, обладает и самодостаточностью. Из всего этого следует, что, хотя интересы различных этносов не во всяком обществе и не при всех условиях оказываются несовместимыми, но в любом, даже наилучшем многонациональном обществе условием удовлетворения интересов одного этноса вовсе не является

удовлетворение аналогичных интересов другого. Здесь заложена потенциальная объективная основа возникновения противоречий в отношениях между народами — национальных противоречий. Стоит допустить малейший переком в национальной политике, как этот потенциал противоречий незамедлительно реализуется, порождая вполне ощутимые национальные проблемы.

Приняв такой ход рассуждений, можно при желании прийти к выводу о регрессивности этнических форм общественной жизни в современном, да и не только в современном, мире, о желательности если и не ликвидации этих форм, то выработки политики, которая не способствовала бы их воспроизводству. Собственно, именно этот вывод питает идеологию абсолютизации прогрессивности интернационального перед национальным.

Возрастание потребности в изучении национальных отношений — проблематики скорее прикладной, чем фундаментальной, — повышает роль теоретических исследований, направленных на познание этнического в системе явлений общественной жизни. В связи с поставленным выше вопросом представляется важным уточнить, как соотносятся этническое и социальное. Взгляды, согласно которым этническое является особой разновидностью социального и в то же время детерминировано социальным, будучи «не вполне» социальным, оставляют место для разноречий и недоразумений, заставляя каждый раз оговариваться, идет ли речь о социальном в «широком» или в «узком» смысле.

Есть различные способы избежать этого неудобства. Можно, например, договориться, что этническое — это форма, в которую облечено социальное<sup>9</sup>. Однако такая дефиниция не отразит сущности этнического и не прояснит, в чем же социальность этнического. Пожалуй, мы продвинемся ближе к искомому результату, если взглянем на этническое как на способ существования или, чтобы соблюсти уместную осторожность, как на наиболее универсальный способ существования социального. Таким образом, возможно, удастся избежать противопоставления одного другому — противопоставления, которое не приносит пользы ни науке в познании действительности (ибо и этническое, и социальное в их «чистом», очищенном друг от друга виде — это не более, чем научные абстракции), ни идеологии, на которой основывается политика национального строительства.

Предложенный подход к пониманию этнического затрагивает некоторые дискуссионные проблемы теории этноса, упирающиеся в конечном счете в проблему происхождения этнического. Возникают, например, вопросы, какова историческая роль этнического в становлении и развитии человечества, в чем состояла его первооснова, не являются ли этнокультурные особенности народов производными от этой первоосновы и т. п.? Иными словами, получается, что даже проблема этнообразования в эпоху первобытности имеет непосредственное значение для изучения современных национальных отношений, и это, думается, — отнюдь не преувеличение.

Автор отдает себе отчет в том, что он не может избежать необходимости соотнести свои построения со взглядами классиков марксизма-ленинизма на национальный вопрос. Автор надеется не впасть в ересь и ревизионизм, если выскажет мнение, далеко, впрочем, не оригинальное, о том, что классовый подход к национальному вопросу — с соответствующей расстановкой акцентов между национальным и интернациональным — не исчерпывает собой всех аспектов национального/интернационального развития, тем более в эпоху социализма. Не стоит упрекать классиков в том, что они не исследовали всего сущего, но не следует и приписывать им то, чем они не занимались, чего не смогли или не захо-

<sup>9</sup> Фактически до этого уже договорились. На таком понимании этнического основывается, например, ставший классическим тезис о «социалистическом содержании и национальной форме» культур народов СССР. Строго говоря, он несет в себе больше эмоционального заряда, чем научной определенности. Очевидно, что не все содержание культур народов СССР можно охарактеризовать как социалистическое и не все содержание культуры можно сводить к формационной сущности.

тели в силу своей научной добросовестности предвидеть. Для анализа современного состояния национального вопроса в СССР вовсе не надо пытаться понять, что же в конце концов имели в виду авторы «Манифеста Коммунистической Партии» — признавали они за нациями историческую перспективу или нет. А для практической политики было бы неосторожно рассматривать многочисленные высказывания В. И. Ленина о слиянии наций при коммунизме в качестве непосредственного руководства к действию, против чего, кстати, сам В. И. Ленин неоднократно возражал.

В статье затронуты не все аспекты национального вопроса в СССР, рассмотрены не все его уровни и виды взаимосвязей. Многие рассуждения автора наверняка вызовут у читателей неоднозначную реакцию, сомнения и возражения; сам автор готов согласиться с правомерностью таких сомнений и возражений. Один-единственный «простой» вопрос, который уже однажды был задан, способен перечеркнуть всю концепцию, изложенную в статье: «Так ли уж верно, что национальные противоречия составляют объективную и непреходящую основу реальных национальных проблем в советском обществе?» Но это будет иной подход, иная философия национального вопроса.

---

#### **ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. В. ПИМЕНОВА «ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ» \***

Вопросы, связанные с подготовкой специалистов-этнографов, назрели давно. Это не случайно и во многом определяется колоссальным сдвигом в развитии этнографической науки, прежде всего в теоретическом обосновании ее объектных и предметных областей. В итоге в качестве приоритетных исследовательских тем выдвинулись те из них, которые имеют непосредственный выход в практику и связаны с насущными проблемами социального, экономического, культурного развития страны.

Известно, что совершенствование социализма зависит от трудовой и социальной активности людей; непосредственными носителями национального выступают конкретные люди. Поэтому закономерно на январском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что нет ни одного принципиального вопроса, который мы могли бы, как в прошлом, так и сейчас решать без учета того, что живем в многонациональной стране. Это особенно касается многонациональных районов страны, где с давних пор чересполосно живут представители различных национальностей, имеющих веками выработанный, только им присущий культурно-бытовой уклад. Учет национальных особенностей при социально-экономическом и культурном планировании, бережное отношение к духовным ценностям, языку различных народов способствует установлению хорошего микроклимата в общении людей, активизации человеческого фактора, а следовательно, успешному решению стоящих перед страной задач.

Совершенно очевидно, что в многонациональных районах, крупных многонациональных коллективах — а их много в каждой республике и области Советского Союза — должен быть специалист-этнограф, который мог бы давать научно обоснованные рекомендации по оптимизации межэтнических отношений, прогнозированию и управлению этническими процессами. Особенно это важно сейчас, когда пересматриваются многие положения, связанные с развитием национальных отношений в СССР, и поколеблен тезис о том, что в этой сфере нет проблем. Национальные отношения — очень сложная сфера общественных отношений. К их регу-

---

\* Сов. этнография. 1988. № 3.